

minibo**OK**

АГАТА КРИСТИ

ПАУТИНА

**Москва
2016**

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
SPIDER'S WEB

Spider's Web © Copyright 2000 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and The Agatha Christie Signature are registered
trade marks of Agatha Christie Limited
in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.
Charles Osborne asserts the moral right to be identified
as the author of this work

Translation entitled «Паутина» © 2014 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

Кристи, Агата.

К82 Паутина / Агата Кристи ; [пер. с англ. Е. Р. Волков-
выского]. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-89042-2

Жизнь Клариссы, жены дипломата, всегда была спокой-
на и счастлива, но — обыденна и скучна. Поэтому ради
развлечения она затеяла маленькую игру, которую назвала
«Если бы...». Например, она спрашивала себя: «Если бы од-
нажды утром я обнаружила в библиотеке мертвеца, что бы
я делала?» Вскоре у Клариссы появился шанс получить от-
вет на этот вопрос: она на самом деле обнаружила в своей
гостиной мертвое тело...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-89042-2

© Волковский Е., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ГЛАВА 1

Коплстон-Корт, изящный загородный дом XVIII века, принадлежащий Генри и Клариссе Хейлшем-Браун, стоял на пологих холмах графства Кент и выглядел очаровательно даже на закате этого дождливого мартовского дня. На первом этаже, в обставленной с незаурядным вкусом гостиной, застекленные двери которой выходили в сад, у пристенного столика расположились двое мужчин. Перед ними на подносе стояли три бокала портвейна, каждый из которых был снабжен наклейкой: «один», «два» и «три». Еще там были карандаш и лист бумаги.

Сэр Роланд Делахей, в свои пятьдесят с небольшим выглядящий истинным аристократом с манерами тонкими и чарующими, присел на подлокотник удобного кресла и позволил собеседнику завязать себе глаза. Хьюго Берч, склонный к раздражительности мужчина лет шестидесяти, вложил в руку сэру Роланду один из стоящих на столе бокалов. Сэр Роланд сделал глоточек, на мгновение задумался, затем произнес:

— Я бы сказал, да, определенно, это «Доу» сорок второго.

Хьюго, бормоча: «Доу, сорок второго», поставил бокал на стол, сделал на бумаге отметку и подал следующий. Сэр Роланд вновь отхлебнул. Подождал, сделал еще глоток и наконец удовлетворенно кивнул.

— Ну да, — уверенно заявил он. — На этот раз действительно великолепный портвейн. — Он отпил еще немного. — Здесь двух мнений быть не может. «Кокберн» двадцать седьмого.

Протягивая бокал Хьюго, он продолжал:

— Надо же, Кларисса расточает «Кокберн» двадцать седьмого года на дурацкие эксперименты вроде этого. Совершенное святотатство. Впрочем, женщины просто ничего не понимают в портвейне.

Хьюго принял бокал, вынес свой вердикт на листке бумаги и вручил сэру Роланду третий бокал. Быстро глотнув, тототреагировал немедленно и бурно.

— Тьфу! — воскликнул он с отвращением. — «Рич Руби», вино портвейного типа. Не представляю, зачем Кларисса держит в доме такую бурду.

Его мнение было надлежащим образом зафиксировано, и он снял повязку.

— Теперь ваша очередь, — сказал он Хьюго.

Хьюго снял очки в роговой оправе, предлагая сэру Роланду надеть ему повязку.

— Впрочем, я полагаю, она использует этот дешевый портвейн, готовя рагу из зайца или суповую приправу, — выдвинул гипотезу сэра Роланд. — Представить себе не могу, чтобы Генри позволил ей подать гостям это.

— Теперь вы, Хьюго, — объявил он, затянув повязку на глазах собеседника. — Может, следует вас трижды покружить, как это делают, играя в жмурки, — добавил он, ведя Хьюго к креслу и разворачивая, чтобы усадить.

— Эй, прекратите, — запротестовал Хьюго, нащупывая кресло у себя за спиной.

— Готовы?

— Да.

— Тогда я покручу не вас, а бокалы, — сказал сэра Роланд, переставляя их на столе.

— В этом нет нужды, — ответил Хьюго. — Думаете, ваши слова могут повлиять на мое решение? Я разбираюсь в портвейне не хуже вас, Роли, не сомневайтесь, мой мальчик.

— Не стоит обольщаться. Во всяком случае, осторожность не помешает, — настаивал сэра Роланд.

Когда он уже был готов подать Хьюго первый бокал, из сада в гостиную вошел третий из гостей Хейлшем-Браунов. Джереми Уоррендер, привлекательный молодой человек около двадцати лет, был облачен в плащ поверх костюма. Шумно и с явным трудом переводя дух, он направился напрямик к дивану и уже собирался плюхнуться на подушки, но тут заметил, что происходит в комнате.

— А чем это вы занимаетесь? — спросил он, стягивая плащ и пиджак. — «Три листика» со стаканами?

— Кто там пыхтит? — осведомился временно лишенный зрения Хьюго. — Собаку в комнату притащили?

— Это всего лишь юный Уоррендер, — успокоил его сэра Роланд. — Ведите себя прилично.

— А-а, а я было решил, что это пес гонится за кроликом, — заявил Хьюго.

— Три раза до привратницы и обратно, да еще напялив макинтош, — тяжело рухнув на диван, объяснил Джереми. — Говорят, герцословацкий министр, отягощенный макинтошем, пробежал за четыре минуты пятьдесят три секунды. Я выложился весь, но не смог быстрее шести минут десяти секунд. И не верю, что он это сделал. Только Крис Чатауэй смог бы уложиться в это время — и с макинтошем, и без.

— Кто вам рассказал насчет герцословацкого министра? — поинтересовался сэр Роланд.

— Кларисса.

— Кларисса! — усмехнувшись, воскликнул сэр Роланд.

— О, Кларисса, — фыркнул Хьюго. — Не следует обращать внимание на то, что рассказывает Кларисса.

Все еще усмехаясь, сэр Роланд продолжил:

— Боюсь, вы недостаточно хорошо знаете хозяйку этого дома, Уоррендер. У этой юной леди слишком живое воображение.

Джереми привстал с дивана.

— Вы полагаете, она все это выдумала? — возмущенно спросил он.

— Ну, я бы этого не исключал, — ответил сэр Роланд, вкладывая в руку по-прежнему незрячего Хьюго один из трех бокалов. — Шуточка, несомненно, в ее духе.

— Вот как? Ну, дайте мне только встретиться с этой девицей! — воскликнул Джереми. — Уж у меня найдется, что ей сказать. Черт возьми, я весь вымотался.

Захватив свой плащ, он прошествовал в сторону холла.

— Хватит пыхтеть, как морж, — недовольно проворчал Хьюго. — Мне нужно сосредоточиться. На кону пятерка. Мы с Роли заключили пари.

— И о чем же? — Заинтересованный Джереми тут же вернулся и уселся на ручку кресла.

— Выяснем, кто лучше разбирается в портвейне, — объяснил ему Хьюго. — У нас тут «Кокберн» двадцать седьмого, «Доу» сорок второго и дешевка от местного бакалейщика. Теперь тишина. Это важно.

Он глотнул из бокала, который держал в руке, и забормотал несколько невнятно:

— М-м-м... ГМ-м...

— Ну? — поинтересовался сэр Роланд. — Что вы скажете о номере первом?

— Не понукайте меня, Роли, — огрызнулся Хьюго. — Поспешишь — людей насмешишь. Где следующий?

Не выпуская из рук первый бокал, он взял другой. Попробовав, объявил:

— Да, касательно этих двух я не сомневаюсь. — Он еще раз принюхался к содержимому обоих бокалов. — В первом — «Доу», — уверенно сообщил он и протянул бокал. — Другой — «Кокберн».

Он вернул второй бокал, а сэр Роланд повторил, записывая:

— Бокал номер три — «Доу», номер один — «Кокберн».

— Ну, нет особой нужды пробовать третий, — провозгласил Хьюго, — но, полагаю, следует идти до конца.

— Прошу вас, — сказал сэр Роланд, вкладывая ему в руку оставшийся бокал.

Отхлебнув, Хьюго издал возглас крайнего отвращения:

— Тьфу! Брр! Что за невообразимая дрянь!

Он передал бокал сэру Роланду, затем вынул из кармана носовой платок и тщательно вытер губы, чтобы избавиться от мерзкого вкуса.

— Не меньше часа понадобится, чтобы отделаться от этой оскомины, — пожаловался он. — Освободите меня от этой тряпки, Роли.

— Давайте я развяжу, — предложил Джереми.

Пока он снимал повязку, сэр Роланд задумчиво глотнул из последнего бокала, прежде чем поставить его на стол.

— Так вы думаете, бокал номер два — дешевка от бакалейщика? — Он покачал головой. — Вздор! Это «Доу» сорок второго, никаких сомнений.

Хьюго сунул повязку в карман.

— Фу! У вас вкус отбило, Роли! — объявил он.

— Дайте мне попробовать, — попросил Джереми.

Подойдя к столу, он отпил из каждого бокала. Подождал немного, снова продегустировал каждый, а затем признался:

— Ну, по мне, так все они на один вкус.

— Эх, молодежь! — укоризненно протянул Хьюго. — Это все джин проклятый, который вы пьете. Вконец испортил ваш вкус. Не только дамы не способны оценить портвейн. Нынче это недоступно всякому моложе сорока.

Не успел Джереми найти подходящий ответ, как отворилась дверь, ведущая в библиотеку, и в комнату вошла Кларисса Хейлшем-Браун, красивая брюнетка лет под тридцать.

— Привет, мои дорогие, — поздоровалась она с сэром Роландом и Хьюго. — Вы уже решили, что есть что?

— Да, Кларисса, — уверил ее сэр Роланд. — Мы к вашим услугам.

— Не сомневаюсь, что прав я, — сказал Хьюго. — Номер один — это «Кокберн», номер два — местная дрянь, а третий — «Доу». Правильно?

— Чепуха! — воскликнул сэр Роланд, прежде чем Кларисса успела открыть рот. — Номер один — портвейнообразная гадость, два — «Доу», а третий — «Кокберн». Прав я, не так ли?

— Милые! — тут же откликнулась Кларисса. Она поцеловала сначала Хьюго, потом сэра Роланда и продолжила: — Теперь пусть один из вас отнесет поднос в столовую. Графин вы найдете на буфете.

Улыбаясь чему-то своему, она выбрала шоколадную конфету в коробке, лежащей на журнальном столике.

Сэр Роланд взял поднос и уже направился к двери, как вдруг застыл на месте.

— Графин? — осторожно переспросил он.

Кларисса уселась на диван, подобрав под себя ноги.

— Да, — ответила она. — Всего один графин. — Она хихикнула. — Ведь это был один и тот же портвейн, знаете ли.

ГЛАВА 2

На сообщение Клариссы каждый из присутствующих отреагировал по-своему. Джереми весь зашелся от смеха, подошел к хозяйке дома и поцеловал ее, в то время как сэр Роланд застыл, разинув рот от изумления, а Хьюго, казалось, не мог решить, как отнестись к тому, что их обоих выставили полными дураками.

Когда наконец сэр Роланд вновь обрел дар речи, он произнес:

— Кларисса, вы бессовестная обманщица.

Однако в голосе его звучала нежность.

— Понимаете, — отозвалась Кларисса, — сегодня выдался такой промозглый день, что в гольф вы играть не могли. Должны же вы были как-то развлечься — ну и развлеклись, дорогие мои, разве нет?

— Да уж! — воскликнул сэр Роланд, направляясь с подносом к двери. — Неужели вам не стыдно — так оконфузить двух почтенных джентльменов! Выходит, только юный Уоррендер угадал, что везде было налито одно и то же.

Хьюго наконец рассмеялся и последовал за сэром Роландом.

— И кто же этот знаток? — вопрошал он, положив руку на плечо друга. — Кто же это ни с чем не спутает «Кокберн» двадцать седьмого года?

— Ладно-ладно, Хьюго, — покорно соглашался сэр Роланд. — Давайте-ка лучше отдадим еще, чем бы это ни было.

Беседуя, мужчины проследовали в холл, и Хьюго затворил за собой дверь.

Джереми уселся на диван рядом с Клариссой.

— Ну а теперь, Кларисса, — начал он обличающе, — что значит вся эта история с герцословакским министром?

Невинные глаза Клариссы уставились на него.

— А что с ним? — спросила она.

Направив на хозяйку дома обвиняющий перст, Джереми проговорил медленно и отчетливо:

— Он, облаченный в макинтош, трижды пробежал до привратницкой и обратно за четыре минуты пятьдесят три секунды?

Мягкая улыбка тронула губы женщины.

— Герцословакский министр душка, но ему хорошо за шестьдесят, и я сильно сомневаюсь в том, что он вообще куда-нибудь бегал последние годы.

— Итак, ты все это выдумала. Они мне сказали, что ты вполне способна на это. Но зачем?

— Ну-у, — задумчиво протянула Кларисса, и ее улыбка стала еще шире, — весь день ты жаловался, что мало времени уделяешь спорту. Вот я и решила помочь тебе по-дружески. Без толку было бы уговаривать тебя побегать по лесам, чтоб ты немного встряхнулся, а вот на вызов ты непременно ответишь. И я придумала то, что послужит тебе вызовом.

Джереми издал комически-гневный стон.

— Кларисса, — поинтересовался он, — ты когда-нибудь говоришь правду?

— Разумеется, иногда, — призналась Кларисса. — Но когда я говорю правду, никто даже не притворяется, что верит мне. Очень странно, да? — На мгновение она задумалась, потом продолжила: — Мне кажется, когда выдумываешь, так увлекаешься, что все звучит куда убедительней.

Она медленно подошла к стеклянной двери, ведущей в сад.

— У меня сосуды могли лопнуть, — пожаловался Джереми, — а тебе на это было ровным счетом наплевать.

Кларисса рассмеялась. Открывая дверь, она заметила:

— Кажется, проясняется. Похоже, вечер будет замечательный. Как восхитительно пахнет в саду после дождя. — Она высунула голову наружу и вдохнула полной грудью. — Нарциссы.

Когда она вновь затворила прозрачную дверь, к ней подошел Джереми.

— Неужели тебе действительно нравится жить в этой глуши? — спросил он.

— Я здесь все просто обожаю.

— Но тебе должно до смерти наскучить! — воскликнул он. — Все это настолько несовместимо с тобой, Кларисса. Наверное, тебе ужасно не хватает театра. Я слышал, в юности ты была им просто одержима.

— Да, была. Но я ухитрюсь прямо здесь творить мой собственный театр, — рассмеялась Кларисса.

— Но ты могла бы играть первую скрипку в захватывающей лондонской жизни.

Кларисса снова засмеялась.

— Это где, на приемах и в ночных клубах? — спросила она.

— Да, на приемах. Ты бы стала блестящей хозяйкой, — со смехом убеждал ее Джереми.

Она повернулась к нему:

— Звучит, как в бульварном романе начала века. Как бы то ни было, эти дипломатические приемы чудовищно унылы.

— Но здесь ты прозябаешь как в пустыне, растрчивая молодость, — настаивал он, вплотную приблизившись к женщине и пытаясь взять ее за руку.

— Я — прозябаю? — переспросила Кларисса, отдергивая руку.

— Да! — с жаром воскликнул Джереми. — А тут еще Генри.

— Что — Генри? — Кларисса принялась теревить подушку мягкого кресла.

Джереми пристально посмотрел на нее.

— Я представить себе не могу, зачем ты вышла за него замуж, — собравшись с духом, выпалил он. — Он намного старше тебя, у него дочь-школьница. — Молодой человек облокотился на ручку кресла, все еще не сводя глаз с Клариссы. — Не сомневаюсь, человек он превосходный, но при этом остается напыщенным, чванливым ничтожеством. Расхаживает, будто индюк. — Он остановился в расчете на реакцию собеседницы, но, не дождавшись ответа, продолжил: — Глядя на него, удавиться можно от скуки.

Она по-прежнему молчала. Джереми предпринял новую попытку.

— И полное отсутствие чувства юмора, — раздраженно пробормотал он.

Кларисса с улыбкой разглядывала его и молчала.

— Думаю, ты полагаешь, что мне не следовало всего этого говорить! — воскликнул Джереми.

Кларисса присела на край скамеечки.

— О, не беспокойся, — сказала она. — Говори все, что тебе хочется. Джереми подошел к скамеечке и сел рядом.

— Итак, ты признаешь, что совершила ошибку? — напряженно произнес он.

— Но я не совершала ошибки, — последовал мягкий, но категоричный ответ. Затем она добавила, поддразнивая его: — Ты делаешь мне неприличное предложение, Джереми?

— Ясное дело, — не замедлил с ответом Джереми.

— Как мило! — воскликнула Кларисса. Она слегка подтолкнула его локтем. — Ну, продолжай.

— Думаю, мои чувства для тебя не секрет, Кларисса, — довольно уныло отозвался Джереми. — Но ты лишь играешь со мной, ведь правда? Кокетничаешь. Еще одно развлечение. Дорогая, можешь ты хоть раз стать серьезной?

— Серьезной? Что в этом хорошего? — отозвалась Кларисса. — Мир и так слишком серьезен. Мне нравится себя улаживать и нравится, когда все вокруг меня получают удовольствие.

Горькая улыбка скривила губы Джереми.

— Я получил бы несравнимо большее удовольствие, если бы ты сейчас отнеслась ко мне серьезно, — заметил он.

— Ну, приступай, — игриво приказала она. — Разумеется, ты улаживаешь себя. Вот, пожалуйста, ты гость нашего дома на все выходные, вместе с моим обожаемым крестным Роли. И милый старый Хьюго тоже приехал выпить вечером. Они с Роли такие смешные. Разве ты можешь сказать, что это не развлекает тебя?

— Естественно, я развлекаюсь, — признал Джереми. — Но ты не даешь мне сказать то, что я действительно хочу сказать тебе.

— Не глупи, дорогой, — ответила Кларисса. — Ты можешь говорить мне все, что вздумается, ты сам это прекрасно знаешь.

— Правда? Ты это серьезно? — спросил он.

— Конечно.

— Что ж, очень хорошо. — Джереми встал и посмотрел ей в глаза. — Я люблю тебя, — объявил он.

— Я так рада, — живо отреагировала Кларисса.

— Совершенно неверный ответ, — недовольно проворчал Джереми. — Тебе следовало сказать серьезно и с состраданием: «Я так сожалею».

— Но я совсем не сожалею, — возразила Кларисса. — Я довольна. Мне нравится, когда люди любят меня.

Джереми вновь уселся рядом с ней, но на этот раз отвернулся. Вид у него был очень расстроенный.

Бросив на него взгляд, Кларисса спросила:

— Ты сделал бы для меня все на свете?

Джереми повернулся к ней и страстно провозгласил:

— Ты же знаешь. Все. Все на свете.

— Правда? Предположим, например, что я убила кого-нибудь. Поможешь ли ты... нет, я молчу.

Она встала и отошла на несколько шагов.

Джереми не отрывал от нее глаз.

— Нет, продолжай, — потребовал он.

Она помолчала, будто раздумывая, затем заговорила:

— Ты только что спрашивал, не наскучило ли мне в этой глухомани.

— Да.

— Что ж, пожалуй, можно сказать и так, — призналась она. — Или, вернее, можно бы было сказать, если бы не мое сокровенное увлечение.

Джереми был озадачен.

— Сокровенное увлечение? Что это?

Кларисса глубоко вздохнула.

— Видишь ли, Джереми, — начала она, — жизнь моя всегда была спокойна и счастлива. Со мной никогда не происходило ничего увлекательного, поэтому я затеяла свою маленькую игру. Я называю ее «Если бы».

Джереми недоуменно переспросил:

— Если бы?

— Да, — сказала Кларисса, вышагивая по комнате. — К примеру, я могу спросить себя: «Если бы однажды утром я обнаружила в библиотеке мертвеца, что бы я делала?» Или: «Если бы здесь однажды появилась некая дама и сообщила мне, что она и Генри тайно обвенчались в Константинополе и, таким образом, он двоеженец, что бы я ей ответила?» Или: «Если бы я не зарыла в землю талант и стала актрисой?» Или: «Если бы мне пришлось выбирать между изменой родине и тем, чтобы Генри застрелили у меня на глазах?» Понимаешь, что я имею в виду? — Она вдруг широко улыбнулась Джереми. — Или даже... — Она уселась в кресло. — Если бы я сбежала с Джереми, что бы было потом?

Джереми подошел и поклонил колени рядом с креслом.